

ел примерно 1965 год. Я помыл как следует лицо и шею, надел новую рубашку и остановился возле зеркала, отделявая штрихи прически. Все казалось, что последняя строчка волос, влажных после мытья, лежит не так, как надо.

— Чего ты там бормочешь? — ослепший в прошлом году дедушка вроде бы дремал на своем диване и в то же время прислушивался, о чем я разговариваю с бабушкой. — Африканцы в нашем клубе? Настоящие?..

— Да! — ответил я торжественным голосом, не понимая, откуда взялся этот праздничный настрой. Я видел в зеркале серое расплывчатое отражение дедушкиного лица и думал о том, что старые зеркала добрее относятся к людям.

— Надень белую рубашку! — посоветовал дедушка, доставая из кармана пузырек с нюхательным табаком. — Покажись хорошим парнем. Ты ведь у нас работник, «юный пролетариат»!

— Скоро получу расчет, и в школу! — ответил я, упрятывая в карман расческу в пластмассовом футляре. — В девятый класс!.. Рубашку я уже надел — белая!

Дедушка приподнял голову, повернулся в мою сторону, поправил на лбу по-

вязку. Пальцы, которыми он захватил понюшку табаку, остановились возле рыхлого пористого носа. Казалось, он и в самом деле хочет лучше разглядеть, как я выгляжу в новой, пахнущей горячим утюгом, рубашке. Тонкая табачная струйка сыпалась на лоснящиеся колени его брюк.

— Они, ваши африканцы, тоже небось приедут в белых рубашках?

— Наверное. Сейчас мода такая — белая рубашка, и чтоб непременно с закатанными до локтей рукавами. Эти ребята учатся в Москве, в энергетическом институте. А к нам они направлены на практику, делают деревянные опоры для новых электролиний. Это у них называется «проходить практику».

— Вот бы и мне на них поглядеть! — Дедушка со стуком поставил пузырек на стол. — Я ведь на империалистической войне был, персов, азербайджанцев видел, с абхазцами выпивал, а вот с людьми из Африки не встречался ни разу — далекая нация... По радио давеча говорили, что слово «негр» употребляют только колонизаторы, а мы в СССР говорим с почтительным уважением — «африканские товарищи»!

— Пойдем со мной... — пошутил я. И пожалел.

— Либо и схожу? — Он снова взял со стола пузырек с нюхательным табаком, крепко сжал его в кулаке. — Давно я не был в клубе... Бабка, игде мой пиджак?

Свой единственный темно-синий пиджак, сохранившийся, наверное, с довоенных времен, дедушка берег и надевал, что называется, в редкую стезю. Этот пиджак, уверял он, скоро будет и мне в самый раз, не зная того, что его пиджак мне давно уже мал. На плечи я его еще кое-как напяливал, зато руки торчали из рукавов на целый километр. Вот что значит работа на вольном воздухе! Каким я вдруг сделался большим!..

Бабушка заворчала: куда тебя старого, слепого понесет? Но дедушка стоял на своем, и ей пришлось открыть сундук темным от ржавчины ключом.

Я тут же скис: идти на молодежный вечер, на встречу с иностранцами вместе со слепым дедом? И дернуло же меня похвастаться! Надо бы идти себе потихоньку, вроде как на танцы. Я напомнил дедушке про персидского шаха, которого он видел, когда служил в Баку. Ты мир повидал, чего тебе еще надо?

Но дедушка засобирался не на шутку: африканцы, бывшие угнетенные товарищи, — наши друзья! Их мучают по всему миру, нещадно эксплуатируют, на плантациях розгами бьют... Так он слышал по радио. Колхоз, в котором когда-то дедушка за палочки работал, может раем показаться по сравнению с жизнью африканских рабов... Поэтому дедушка хочет если не увидеть, то хотя бы услышать голоса чернокожих студентов, идущих к новой, светлой жизни. Весь мир становится простым и дружным, как одна деревня — народы скоро запросто будут ходить друг к другу в гости. Осуществилась мечта про мир и всеобщую дружбу. Пора всем людям хорошими становиться — в космос летаем, значит, есть какая-то правда и смысл в существовании человека...

Тем временем в сундуке пиджак дедушкин отыскался! Бабушка аккуратно положила его на стол, затем достала чистую военную гимнастерку с белыми невоенными пуговицами, пришитыми в разные времена.

— Напьется где-нибудь по дороге — домой его не приводи! — Бабушка сердито взглянула на меня. В голосе ее, однако, звучала насмешка. — Пусть валяется под забором, ежели не понимает. Слепой, старый, а пьет наравне с молодыми, будто ему тридцать лет. Вот зайвится сегодня пья-

ный в клуб и опозорится перед заграничными товарищами. Кому нужен старый чудак, пропивший пенсию, да еще призанявший денег у соседей?.. Ступай, веселись, старый черт! И как только советская власть терпит тех, кто ее позорит?

— Замолкни! — прикрикнул дедушка. — Меня внук с собой берет.

Они ругались, но бабушка все-таки помогала ему одеваться. Тонкий рукав гимнастерки не хотел налезать на сильную дедушкину руку. Бабушка шлепала его ладонью по спине, требовала, чтобы стоял смиренно.

— Знать, и вправду меж народами коммунизм затевается!.. — вздыхала бабушка. — Слава Богу — к замирению дело идет. Сейчас молодые люди из Африки приехали, а когда-нибудь из космоса умные существа прилетят — по радиву анадьсь говорили!..

Мы с дедушкой вышли из дома, медленно побрели. Я изнывал от нетерпения — так бы и помчался бегом в клуб. Но дедушка неспешно семенил по тропинке, постукивая впереди тонкой палочкой. Я хотел взять его под руку, но он сам отлично знал дорогу и вскоре привел меня точнехонько к дверям чайной. Глаза дедушки повязаны чистой темной тряпицей. В лучах угасающего солнца она казалась желтой. Я покорно придержал расхлябанную дверь со скрипучей пружиной, пропуская дедушку вперед, помог ему выпутаться из марлевой, от мух, занавески.

Войдя в помещение, дедушка безошибочно двинулся в направлении буфета, умело ориентируясь в проходе между столиками. Видно, все ему было здесь знакомо — даже палочку сунул под мышку, чтобы ловчее было доставать из кармана деньги.

— Маруся, двести граммов! — скомандовал он в сторону буфета, догадываясь каким-то образом, что буфетчица на месте, хотя она наклонилась, наводя порядок в пузатой стеклянной витрине. Даже я не сразу ее заметил.

— Много! — протестуяще шепнул я на ухо дедушке.

— Не галди, сам знаю, — ответил он громко, словно мы находились в лесу. Теперь я уже искренне жалел, что взял его с собой. — Зато, дорогой внучок, повторять не будем!..

Он выпил заказанную порцию в два приема, закусил бутербродом с сыром. Я смахивал крошки с его единственного пиджака, а они все сыпались с его усов, будто снежинки.

Наконец, он дожевал последнюю корочку, удовлетворенно хмыкнул, пружинисто поднялся из-за стола. Я хотел взять его под руку, однако он решительно высвободился — в окрестностях чайной дедушка ориентировался лучше зрячего.

Когда мы подошли к клубу, мой старик уже заметно покачивался. Пришлось отыскать укромный уголок в зрительном зале. Здесь старика никто не потревожит, — основное торжество будет проходить на ступеньках клуба и в фойе. Ряды стульев были новенькие, пахнущие лаком, не изрезанные и не изуродованные — их привезли на прошлой неделе.

Я попросил дедушку вести себя тихо. Он дал слово, что не будет петь и выражаться домашними словечками. Впрочем, первую, главную заповедь — не заходить в чайную! — мы уже нарушили, и дедушка открыл рот, собираясь завести свою любимую: «Ах, не ругай ты меня, моя матушка...», но двести граммов, разошедшиеся по старческой крови, сморили его на первой же строчке.

Наконец-то я был свободен и мог выйти на улицу, на широкие ступени.

— Зачем деда приволок? — раздался над ухом голос моего друга Алика. — Да еще вдобавок напоил его.

— Понимаешь, африканцев ему приспичило посмотреть.

— Как же он будет их смотреть, слепой-то?

— Увидит как-нибудь. Людей он различает получше зрячего.

— Бутылку за километр он действительно почует. Но чтобы увидеть чернокожего человека в сумерках...

Болтая обо всем помаленьку, мы толкались на ступенях среди толпы пацанов. Сквозь прохладную материю рубашки я чувствовал крепкие плечи наших парней.

— Пойду стрельну закурить, — сказал Алик и почему-то вздохнул. — На твою долю просить?

— Ага... — мне не хотелось курить, но в ритуале курения дотлевали остатки нашей детской дружбы.

Неподалеку вертелся долговязый парень по прозвищу Хмырь. Он был в хорошем настроении и щедро отделил Алику две «беломорины».

Уже и радиола играла, и девчонки кружились в вальсе на земляной утоптанной площади, а студенты-электрики все никак не приезжали, где-то задерживались.

Мне хотелось, чтобы все собравшиеся как-то почувствовали, что я есть, существую, остановился рядом с ними, на ступеньках клуба, возле двери, в которую трудно было протиснуться из-за множества зевак. Мне хотелось, чтобы односельчане простили меня за все плохие поступки, которые я совершил и хотя бы вскользь упомянули о моих редких добрых делах. Но толпа не замечала меня, сдержанно гудела. И в этом ровном гудении, напоминающем голоса пчелиного роя, я различал странные слова: «Ты с нами. Мы тебя видим».

Вот он собрался на площади — мой народ! Почти сплошь белые рубашки, пиджаки, темные галстуки взрослых, телогрейки и жакетки стариков, пестрые платья девушек, загорелые лица детворы. Взрослые и молодые смотрят друг на друга. Малейшая улыбка рождает ответную улыбку. Доверчивое покачиванье голов — в шляпах, кепках, косынках. Покачиваются в сумерках начесанные чубы парней, сливающиеся с наступающими сумерками. Волосы девчат перехвачены светлыми ленточками — такая мода.

«Ты здесь, с нами!» В каждом возгласе, в малейшей выщербинке бетонных ступеней, в трепетании вечерней листвы, отливающей стальным блеском, была теперь частичка моей жизни.

Это бывает очень редко, когда ты видишь своих односельчан, собравшихся вместе, почти до единого человека, когда они такие общие, и эта общность запечатлена на спокойных терпеливых лицах. Потому и народ, что знакомо каждое лицо, оттого и народ, что все вдруг становятся одинаково добры ко всем. Народ привык собираться здесь, на земляной, утоптанной до каменной твердости площади. И вот сейчас появятся с минуты на минуту представители другого народа, отличающегося цветом кожи, обычаями и еще какой-то тайной. Как хочется их скорее увидеть! Каждый народ хочет показаться другому в лучшем своем наряде, в хорошем настроении. В разноцветных глазах толпы я видел застывшее волнение — сейчас *они* нас тоже увидят!

Комсомольцы решили устроить в клубе «голубой огонек» не хуже, чем по телевизору, — с буфетом и оркестром. Наружная стена клуба украшена разноцветными лампочками, свежими березовыми ветками с подвядшими,

терпко пахнущими листочками. Над дверью лозунги и плакаты. Такого нарядного клуба я отродясь не видел. Но ведь и иностранцы к нам прежде не заезжали. Далеко за океаном, в жарких странах, они попали под гнет капиталистов. Зато теперь освободились, приехали учиться в Москву, построили линию электропередачи и вот-вот появятся в нашем клубе.

...Грузовик подъехал уже в сумерках. Чернокожие ребята битком набились в кузов. Они сидели и стояли, держась за борта и друг за друга темными ладонями. На фоне белых рубашек различались тонкие черные пальцы с розово поблескивающими ногтями. Лица студентов были не просто черными, а еще отливали каким-то глянцем, будто начищенные хромовые сапоги. Парни покачивались в такт рывкам машины — черно-головые, курчавые, все сплошь в белых рубашках. Значит, мода для парней по всей планете одинаковая — белые рубашки с длинными, закатанными чуть ли не до плеч рукавами! Наш маленький фестиваль молодежи! Студенты махали красными детскими флажками и распевали песню — какую-то свою, бодрую и революционную, с непонятной грустинкой. Это была их песня об освобождении страны. Тонкие, чуть дребезжащие голоса захлестывали, будто прибой, наши крики приветствия, восторг подвыпивших парней и весь тот шум и гул терялись в темнеющем августовском небе.

Я думал о неведомых гостях из-за океана и в то же время о наступающей осени, о школе, куда я пойду в девятый класс, о том, что жизнь моя пойдет по старому кругу. Но уже обозначалось в моей судьбе новое чувство, большое и настоящее, похожее на первую любовь и ощущение Родины одновременно.

С криками «ура» мы кинулись навстречу этим ослепительным улыбкам, хватались за деревянные лязгающие борта грузовика, трясли их, не обращая внимания на занозы, норовящие впитаться под кожу.

— Почему борта кузова железом не обили? — воскликнул Хмырь. — Ведь не кого-нибудь: товарищей из Африки везете!.. — раздался возмущенный голос Хмыря.

Студенты пытались выпрыгнуть из машины, но тут же попадали в объятия молодежи, которой в поселке в те годы было много.

Грузовик продолжал медленно ползти вперед, видно, у шофера было задание — остановиться возле ступенек клуба, а сделать это в толпе было невозможно. Парни вскакивали в кузов, чтобы первыми обнять заокеанских гостей, а те, кому этого сделать не удалось, бежали вслед за грузовиком, шлепая восторженно по запыленным доскам кузова.

— Дружба — ура! Африка — ура! Космос — ура! — раздавалось со всех сторон. Горластые у нас в поселке парни!

Вспыхнули прожекторы, осветили кумачовые транспаранты. «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым!» Давно ходили слухи, что все лозунги о коммунизме скоро окончательно забудут, потому что Хрущева неожиданно сняли — заступиться за коммунизм теперь некому... Кстати, наш Хмырь, хулиган и тунеядец, торжественно в очередной раз поклялся перед какой-то комиссией, что до наступления коммунизма он бросит пить и устроится на работу.

Лозунг «Да здравствует дружба!», висевший над входом, был написан белой краской по кумачу на трех языках: на языке той страны, откуда приехали гости, на русском и на английском. Это расстарался наш умный комсомольский работник. Перспективный был кадр. Он потом далеко пошел. Готовит, бывало, какое-нибудь мероприятие, все его под-

чиненные с ног сбиваются, а он все недоволен, все ему не так. Но человек не бумажный. Отчеты и формуляры не любил, сваливал их на инструкторов. Это был человек дела, организатор. Он и сейчас где-то крупным бизнесом заворачивает.

Но даже опытный комсомольский работник, составляя программу торжества, не мог предположить, что местная молодежь проявит излишний энтузиазм и начнет подбрасывать темнокожих гостей в воздух.

— Качать их! — раздался в сумерках чей-то возглас. Не успевал очередной чернокожий студент перекинуть ногу через борт грузовика, как его тут же подхватывали десятки рук и с радостными воплями начинали подбрасывать вверх.

Комсомольский работник, призвав на помощь дружинников, пытался отобрать каждого взлетающего паренька, чтобы ввести мероприятие в нужный сценарий. Но студентов ему не отдавали, сначала подбрасывали в воздух, затем понесли на руках и плечах в наш сельский клуб.

— Бестолочи! — ругался комсомольский работник. — Иностранцев не можете встретить по-человечески.

— Да какие же они иностранцы? — слышался ответный возглас. — Иностранцы сплошь буржуи, а эти свои в доску ребята, электричество к нам в колхоз ведут. У них мозоли на руках!

Возле ступеней клуба, застеленных ковровой дорожкой, стояли с хлебом-солью десятиклассницы, наряженные в длинные русские платья, расшитые блестящими, сверкающими в свете прожекторов нитками, в серебристых кокошниках, с подкрашенными губами и необыкновенно привлекательными румянами на щеках. При ночном ярком свете крупинки помады на их губах делали девушек необычайно взрослыми, и даже как-то неловко было на эти губы смотреть. Будто это не девчонки из нашего класса. Самая красивая, Ирина, распустив по плечам тугие, гладко заплетенные косы, держала в руках на вышитом полотенце каравай хлеба. Солонку ей приходилось поддерживать тонкими пальцами, — толпа давила и толкала со всех сторон.

— Тише вы, дураки! — Ирина, боясь уронить хлеб-соль, отталкивала локтями самых настырных. Соль из солонки белой струйкой сыпалась на бетонные ступени.

— Поставьте товарищей из Африки на землю! — пытался командовать комсомольский работник. Тонкий голос его пропадал в реве толпы. — Гостям необходимо пройти в ДК чинным строем.

— Каким еще «чинным строем»? — возмутился Хмырь. — Знаем мы этот ваш «строй», находились... Ты, парень, хоть и молодежный начальник, но какой-то опять колониализм нам тут устраиваешь...

Я схватился за черную прохладную руку, но она тотчас выскользнула из моей ладони, взметнувшись выше моей головы. Паренек охнул и прямо-таки растворился в ночном небе среди звезд, видна была одна только белая рубашка, стремительно летающая то вверх, то вниз, часы с браслетом из нержавеющей стали. Рубашка и браслет то приближались к моим глазам, то опять стремительно уносились к появившимся на небе звездам.

— Ура! Качай его!... — вопила толпа. — И-ех! Взяти, еще раз!.. И-два!..

Изнутри ладонь африканца была нежно-кофейного цвета. Наш студент был изрядно выпивши — всех студентов предварительно угостили за щедрым колхозным столом! Паренек растерянно улыбался. Весело блестя белки глаз, похожие на влажный фарфор. Когда с помощью комсо-

мольского работника студента бережно поставили на землю, выяснилось, что у него на спине лопнула рубашка. Материя бахромилась в месте разрыва. Нашим ребятам стало стыдно — перестарались. Двое на всякий случай решили подалее убраться от этой группы.

Комсомольский работник, забыв, что он официальное лицо, крыл парней матюгами. Да так складно, что даже африканский гость заслушался, приоткрыв толстые добрые губы. Знаками он давал понять, что ничего страшного не произошло и не надо так волноваться. Он, хоть и «африканский пролетарий», но рубашка у него не последняя.

— Не шуми понапрасну! — сказал Хмырь комсомольскому работнику и показал на студента пальцем. — Видишь, он улыбается!

Но молодежный начальник действовал по-своему. Привстав на цыпочках, чтобы возвыситься над толпой, он замахал рукой, призывая на помощь девушек-активисток.

— Галя, неси скорее нитку с иголкой... Достань хоть из-под земли... Срочно! — Лицо у него было испуганное, вспотевшее.

Тут вперед вышел Хмырь, молча стащил с себя рубашку, уже испачканную мазутными полосками, но все еще белую. Снял рубашку так стремительно, что она затрещала на швах. Засинел в сумерках тощим телом, разрисованным татуировками, портретами вождей и такими словечками, которые африканец не смог бы понять даже через переводчика.

Гость с благодарностью кивал курчавой головой, однако надевать Хмыреву рубашку наотрез отказался. Тут и девчата-активистки подоспели с иголкой и катушкой ниток.

— Ой! — схватился за сердце комсомольский работник. — Вы все решили погубить меня сегодня — черные нитки принесли! Зачем же черные?

— Так ведь же они черненькие... — пролепетала Галя.

Комсомольский работник, бурча что-то о «подборе кадров», сказал, что будет сам «решать вопрос» и, расталкивая толпу, убежал в неизвестном направлении.

— Лэнин! — Студент осторожно прикоснулся черным пальцем к татуировке на безволосой Хмыревой груди.

— Вот дает, Ленина знает! — обрадовался Хмырь. — Вот тебе и Африка, вот тебе и цепи колониализма!.. Слышь, земляк, давай махнем часы не глядя?

Хмырь начал расстегивать замусоленный растрескавшийся ремешок своей «Победы» с пожелтевшим от старости циферблатом.

— Не надо... — крикнул издали подоспевший комсомольский работник. В руке его белела катушка ниток. — Галя, зашивай скорее товарищу из Африки рубашку. Быстро шей, иначе до обкома дойдет слух о нашей неорганизованности...

Увидев раздетого до пояса Хмыря, комсомольский вожак нахмурился и велел ему одеться во избежание идеологических недоразумений.

Тут выяснилось, что Галя потеряла иголку. Уронила на землю и никак не найдет, хотя добровольные помощники то и дело зажигали спички, освещая утоптанную землю. Комсомольский работник схватился за голову — сорвали-таки мероприятие! Жди теперь телефонограмму из обкома... Но духом окончательно не упал — отобрал у кого-то карманный фонарик, начал светить под ноги. Студент неловко переминался в круге света. Комсомольский работник искал иголку и одновременно посылал приветственные жесты африканскому гостю: дескать, сейчас все уладим.

Повсюду на площади стоял галдеж, заглушаемый звуками духового оркестра, играющего приветственный марш.

Комсомольский вожак поднял голову, чтобы отдать очередное распоряжение, но паренька уже нарядили в чей-то пиджак. Теперь никто бы не смог догадаться о разорванной на спине рубашке.

Я почувствовал толчок в спину. Обернулся: Алик!

— Тебя дед ищет! — сказал он запыханно. — Бродит по залу, тычется из угла в угол.

Я начал протискиваться в клуб — нельзя было оставлять проснувшегося деда без присмотра. С трудом пройдя сквозь толпу на верхние ступеньки, я вновь оглянулся. Мне показалось, что народ снова смотрит на меня. Внутри у меня все похолодело от такого неопределенного и странного взгляда. Я замер на верхней ступеньке, толкаемый со всех сторон. Народ смотрел на меня, но, как всегда, меня не видел. Взгляды оведали меня, как легкий ветер. Возможно, в этот момент народ начинал понимать, что с коммунизмом ничего не получилось. Зато народная мудрость и доброта остались навечно...

Я в этот момент вновь осознавал себя частицей народа, меня никто не обманывал. Мне предложили вариант Мечты, и я начал жить этой Мечтой. Она, словно микроб, поселилась в крови, делая свое невидимое дело. Без глубинного обмана сердца не может быть внешнего движения человеческих масс. Народы движутся на своих мечтах и ошибках, как волны поверх океана, влекомые внутренней стихией.

Сзади напирала, а из дверей валила встречающая толпа — смотреть на чудо-гостей! Меня сдавили до потери дыхания, перед глазами вспыхнули огненные круги. Слышался веселый мат: ногу отдавили, чтоб вас всех растак!..

И тут я услышал знакомый голос — дед! Он, оказывается, остановился чуть ли не рядом со мной, того и гляди грохнется со ступенек.

— Дедушка! — Я вцепился в рукав его пиджака, вонявшего нафталином и еще каким-то знакомым домашним запахом. — Пойдем, отведу тебя домой. Бабушка, наверное, волнуется...

— Где они? — лицо его было устремлено на шумную площадь.

— Они здесь, приехали!.. — я не замечал, что кричу, стараясь перекрыть шум и гомон. — Пойдем, дед. Тебе пора домой.

— Подведи меня к ним! — голос у него стал тихий, просительный.

Делать было нечего. Я принялся аккуратно сводить его вниз по ступенькам. Он подолгу нащупывал палочкой, а потом уже всей подошвой каждую ступень. Его медлительность была мне в тягость. И вдруг мы оказались лицом к лицу с тем самым нашим студентом в длинном пиджаке, который оказался ему чуть ли не до колен. Они прямо-таки столкнулись: этот африканский парень и дедушка! Я схватил дедушку под локоть, хотел увести в сторону, но дедушка стоял как вкопанный — он тоже почувствовал кого-то впереди, да и толпа давила со всех сторон.

Африканец остановился, глядя на дедушкину повязку. Белозубая улыбка его притухла.

Дедушка медленно вытянул вперед чуткую подрагивающую ладонь и ощупал чернокожее гладкое лицо, большие глаза, прикрывающиеся крупными дрожащими веками, круглый блестящий нос, будто бы начищенный сапожной ваксой. Затем дедушкины пальцы двинулись вверх, запутались в курчавых волосах. Рука испуганно отдернулась.

Парень улыбался толстыми губами, шевелил подбородком, словно его

брили в парикмахерской. Он стоял спокойно, не удивляясь странным обычаям встречи гостей. Комсомольский работник на этот раз промолчал, однако делал мне всяческие жесты и гримасы: дескать, уводи своего старика!

Дедушка поклонился всему народу забавным старинным поклоном. Я увел его в сторону от людского потока. Комсомольский работник все же ухитрился выстроить молодежь в колонну попарно. Девчата держали в руках букеты цветов, получилось красиво и нарядно. Какой-то мальчишка пытался заснять церемонию фотоаппаратом «Смена».

Комсомольский начальник указал рукой в сторону трибуны, установленной на ступенях. Здесь должен состояться митинг.

Над площадью и парком разнесся громоподобный треск и шум, отчетливые слова: «Раз-два!..» На трибуне, пощелкивая ногтем по микрофону, стоял комсомольский работник, он пробовал звук.

— Ты меня подведи к райкомовскому забору, а дальше я сам, по штaketнику доберусь... — рассуждал дедушка.

Райкомовский забор был надежный, из крепких свежих штaketин. Наш старик мог убежать по этому забору куда угодно, и мы с бабушкой не успевали за ним угнаться.

Вошли в круг света одинокого уличного фонаря. Я заметил на серой дедушкиной повязке два темных влажных пятна.

— Ты чего, дед, плачешь что ли?

Он махнул рукой:

— Не говори бабушке, что я выпивал сегодня.

— Не скажу, не бойся. Разве я тебя когда-нибудь выдавал?

Дедушка снова всхлипнул, хотел погладить меня по голове, будто ребенка, но не дотянулся, а встать на цыпочки не было сил. Тогда он отыскал на ощупь мою ладонь, пожал ее и долго тряс каким-то отчаянным прерывистым пожатием, словно навеки попрощался со мной.

— Ты уже совсем большой... Когда умру, положите меня в гроб в старом дядь Жориним костюме, который он отдал, а этот пиджак, который на мне, возьми себе — он почти не ношенный...

Добрели до райкомовского забора. Дедушка нащупал его, обрадованно вцепился в занозистые штaketины: теперь, считай, дома! Сунул палку под мышку, касаясь штaketника левой рукой, привычно засеменял по ровной тропинке.

Я стоял на границе света и тьмы, в которой пропадали улицы и переулки. Где-то кричали встревоженные гуси, лаяла собака. И так мне вдруг сделалось одиноко, что даже холодный ветерок зашелестел возле лица.

Дедушка скрылся в темноте, теперь и шагов не было слышно. Слабо блестела в ночном свете натоштанная тропинка.

Опомнившись, я чуть ли не бегом кинулся обратно на площадь, надеясь успеть на митинг. Но где там! — вдалеке уже ударил медным дыханием оркестр. Над поселком, покачивая волны теплого остывающего воздуха, полилась мелодия вальса.

ЗАЧЕМ НАМ КОРОВА?..

Дождя сегодня нет, поэтому к шести часам утра завтрак уже на столе. Но что может приготовить бабушка в такую рань? Картошка подгоревшая и пересоленная, яйца сварены так круто, что не прожуеться.

В алюминиевой миске окрошка из невыносимо кислого старого ква-

са. Со сна пятнадцатилетней Рае ничего не хочется, кроме молока. Оно холодное, душевное, только что из погреба, и девочка с удовольствием пьет его из стакана.

На лавку присаживается мать, без особого аппетита хлебает крошку. Мать выглядит усталой — она уже подоила корову, угнала скотину в поредевшее деревенское стадо, накормила двух свиней. В хозяйстве, кроме того, двадцать шесть прожорливых утят, двенадцать гусей, гусыня с семью гусятами, десятка два кур и сорок три цыпленка.

Одета мать в серую кофту, которая была когда-то новой, имела фиолетовый цвет, была мягкой и приятной на ощупь. Кофту мать последнее время почти не снимает и не жалеет — и по дому в ней ходит, и со скотиной занимается.

Начинающие сесть волосы мать плотно затянула белой косынкой. Такая же косынка приготовлена для Раи: день обещает быть жарким и солнце может напечь голову.

— Что ты, дочка, такая вялая? Ешь скорее!.. — торопит мать, однако голос у нее ласковый. — В поле завтрак для нас никто не принесет... Вчера, небось, опять свой планшет допоздна смотрела? Говорила тебе, ложись, ложись пораньше, иначе не выспишься...

— Так ведь хочется все посмотреть!..

— Нечего смотреть, там разные гадости показывают... Что ж, из-за этих картинок совсем не спать, что ли?

Рая не отвечает. Вопрос кажется ей лишеным смысла. В Интернете новые музыкальные клипы, моды, рецепты красоты, можно пообщаться с друзьями и подругами...

«И зачем только семья держит корову, если молоко можно купить в автолавке? — размышляет Рая. — Магазинное молоко сделано из порошка, зато оно приятное на вкус, сладкое — слаще настоящего...»

Мать и дочь собираются идти ворошить сено. Скосили его неделю назад, только вот дожди все не давали сену просохнуть. Если в ближайшее время сено не свезти под навес, оно заплесневеет, пропитается сыростью, и тогда неизвестно, что с ним делать.

Рая вздыхает: с коровой ужасно много хлопот. Иной раз думаешь, лучше чаю напиток, только бы оставили в покое и никуда не посылали. Девочка ждет не дожждется, когда кончатся каникулы, и тогда снова можно ходить в школу, в девятый класс.

На прошлой неделе, пока шли дожди, Рая вволю отсыпалась. Уж она-то знает, как приятно проснуться утром не от прикосновения материнской руки, а оттого, что выспалась, при этом хорошенько потянуться, зевнуть, затем долго лежать с открытыми глазами, разглядывая знакомый потолок деревенского старого дома, который отец собирается перестраивать. Рая еще не знает, кем она хочет стать в жизни, но твердо уверена — жить в этом доме, в этой деревне она не будет!..

Когда мать окликает спящую Раю, голос ее кажется непривычно громким:

— Райка! Подымайся на сено идтить! — Мать говорит с деревенским акцентом, а Рае этот ее выговор кажется смешным.

Подумать только, назвали Раей. Разве у нее райское житье? Особенно летом, когда так и тянет посидеть в холодке. Хотя, с другой стороны, летом жизнь совсем неплохая. Вечера теплые — можно надеть модное платье, купленное по весне на базаре, впустить гребнем волосы, распустить их по плечам и не спеша идти на танцы. В деревне Ближние Хутора,

где живет Рая, есть клуб, вернее небольшой ничейный домик. Дачники его отремонтировали, поставили скамейки. Возле самодельного клуба пятачок для танцев. Клуб открывает и закрывает дед Проня. Он когда-то сторожил колхозную ферму, а теперь ферма разрушена, и он с удовольствием присматривает за «клубом» на общественных началах, с гордостью именуя себя «заведующим».

И еще хорошо, что летом в деревню приезжают парни из города, среди которых попадаются симпатичные. Вот, например, городской парень Васек. Он очень даже равнодушен к Рае и часто с ней разговаривает возле клуба. Васек говорил, что в селе жить хорошо, ему тут все нравится: речка чистая, в лесу навалом грибов, можно вволю погонять на мотоцикле.

— Тебе-то хорошо... — снисходительно усмехнулась Рая. — Ты бы сено поворошил на жаре, по-другому бы заговорил...

Интересно, остался бы Васек жить здесь навсегда, если бы полюбил Раю и предложил ей руку и сердце, как это делают герои книг? Рая бы осталась. Все ей здесь привычно, все она умеет делать, и Васек жил бы за ней, как за каменной стеной. Построили бы свой дом, завели корову... Ой, нет, корову не нужно! Васек будет зарабатывать много денег, молодая семья будет покупать молоко и сметану в пакетах.

Хорошо бы им жилось! Рая бы наварила целый погреб варенья, чтоб хватило на зиму.

После завтрака мать и дочь собирались недолго: взяли двое граблей, большой термос с холодной водой, на всякий случай плащи — дождь в такую жару может в любой час нагреть!..

Отец подвез их на старых «жигулях» к лугу. В гараже у отца еще есть не очень новая иномарка «Опель», и потому он мечтает купить другую, более современную машину. Он по-прежнему работает в бывшем колхозе, который теперь не «колхозом» называется, а каким-то ОАО. Эта фирма в полях выращивает картошку для приготовления чипсов. Особенная такая картошка, клубни круглые, гладкие. Их отвезут в город, где машина по приготовлению чипсов автоматически нарежет их на дольки.

Отец уехал опрыскивать картошку от колорадских жуков, а мать и дочь остались на лугу, среди валков скошенного сена.

Над пойменным кочковатым лугом жара. Кажется, солнце соскучилось по работе и старается вовсю. Ветер же, наоборот, уморился гонять тяжелые дождевые тучи и решил отдохнуть. Когда Рая была маленькой, солнце представлялось ей доброй круглолицей тетенькой, которая всегда улыбается, ветер же казался ворчливым косматым стариком, обутом в златанные валенки.

Старичок-ветер жил в дубраве неподалеку от деревни и в спокойную ясную погоду спал в самой темной чаще, и когда девочки приходили в лес за грибами, он шевелил верхушки деревьев и недовольно шелестел листвой, будто говорил: «Ш-што ш-шляетесь?.. Уш-ш я вас!..»

Несмотря на жару, земля высохнуть не успела. Переворачиваешь валок сена, а под ним чуть ли не лужа, блестят мокрые зеленые травинки. Раздевшись до купальника, Рая решила загорать, хотя и так уже коричневая.

— Смотри, опять обгоришь, — неодобрительно качает головой мать.

Когда тяпали картошку на своем огороде, Рая слишком долго была на солнце — спина, плечи, руки стали красные, как у вареного рака. Две ночи она мучилась, не могла спать на спине, потом кожа перестала болеть

и оползла белыми лохматыми чешуйками. Рая шелушит ее, ощущая новую, глянцевою.

Кроме журы допекают оводы. Они словно ждали, когда Рая снимет платье, и один за другим стали кружить вокруг нее. Оводы крупные — раза в два больше пчелы, неизвестно где отъелись. Если пчелу можно угадать по жужжанию, то овод садится быстро и бесшумно. Но уж коли сел, сразу не улетит — щекочет мохнатыми лапками, примериваясь, как лучше напиться Раиной крови.

— Ах, ты! — шепчет девочка, стараясь не шевелиться, и прицеливается ладонью. Хлоп! Насекомое мягким комочком падает в траву. Не успеет Рая убить или прогнать вредное насекомое, как неожиданно резкий укол заставляет девочку тихонько взвизгнуть, и удар ладони приходится по пустому месту.

— Оденся! — ругается мать. — К чему этот загар? Я никогда не загорала и, помилуй бог, кожа здоровая.

Валков сена много. Раю удивляет, что отец с матерью сумели так много накосить. Ведь махать косой гораздо труднее, чем просто ворошить валки. Несколько раз девочка подходила к термосу, пила прохладную, словно только что из-под крана, воду. Жажда утоляется лишь на минуту, вода приятным холодком разливается по желудку, зато окружающий воздух кажется еще жарче, еще неподвижнее. Хочется пойти в тень, расстелить плащ и с часок отдохнуть.

Луг кочковатый и мокрый. И не потому, что шли дожди — земля сырая сама по себе. Наверное, когда-то в этом месте давным-давно стояло болото, а потом засохло, вспучилось кочками. Некоторые из них заселили муравьи. Грабли то и дело цепляют за муравейники. Жаль тревожить маленький копошащийся народец, рушить его замысловатые постройки, да только не разглядеть их под плотными гривами сена. Вот снова задета верхушка муравьиного общежития — насекомые суетятся, спасают свое будущее потомство, тащат личинки вглубь земли, подальше от жгучих лучей солнца.

Рае жаль муравьих: с белыми личинками в лапках они похожи на маленьких человечков с грудными детками на руках.

Сено в этом году хорошее, сочное. Но в нем много колючек, их корова есть не будет. Завидев длинный, усеянный острыми колючками стебель, Рая осторожно вытаскивает его, отбрасывает в сторону. Далеко разносится густой запах влажной травы, подсыхающей на солнце.

Незаметно подходит время обеда. Вот и отец на своем старом «жигуле». Приехали домой, бабушка уже собрала обед. И вовремя — Рая проголодалась. Любая еда сейчас кажется ей хорошей и вкусной. Украшение стола — грибы, которые Рая недавно нарвала в ельнике. Это маслята, самые лучшие, по мнению Раи, грибы. Поджаренные на свежем сливочном масле, они вкуснее самых изысканных деликатесов.

Втайне девочка надеялась, что после обеда сено ворошить не придется. Уж тогда-то она без всяких размышлений ляжет спать и проспит до вечера, когда придет время собираться в клуб. Но ее ждало разочарование. Отец, допив молоко из большой эмалированной кружки, шумно вздохнул:

— Отдохнем часок, и опять за работу. Мне в поле, вам на сено. День хороший, теплый. Надо пользоваться моментом и как следует перетряхнуть все валки. Вечером, часов в шесть, приеду на тракторе с тележкой, погрузим, сколько успеем до темноты, и увезем. Чего ему, сену, там лежать? Спокойнее, когда оно возле дома, да и погода ненадежная...

После обеда, пока мать доила корову, Рая поговорила с Валей по мобильному телефону — подружка сообщила, что сегодня возле клуба соберется местная молодежь. Как интересно!.. Уже во время разговора Рая позевывала, затем, во время разговора с Валей, тотчас заснула, уронив телефон на подушку. Напрасно Валя ей «алекала»... Это был тревожный, прерывистый сон. Лежа на диване, Рая то впадала в забытие, то вздрагивала, мутным взглядом смотрела на часы: четверть второго... половина... без четверти... Когда же Рае приснился забавный цветной мультик, который она смотрела в детстве, раздался знакомый тихий голос:

— Вставай, доченька, пора.

Рая мгновенно проснулась, не решаясь открыть глаза.

— Поднимайся, милая, отец машину заводит. Сейчас опять на луг поедем...

Не веря ее словам, Рая взглянула на часы. Было ровно два часа.

Воршить оказалось труднее, чем просто перевертывать валки. Казалось бы, что здесь такого: шевели траву, и все. Именно такой несложной кажется издалека работа женщин, равномернодвигающих взад-вперед граблями. Однако работа эта требует внимания: сверху валок кажется сухим, но шевельни его граблями — увидишь внутри мокрое сено. Приходится вытягивать стебли наружу, на солнечное тепло, трясти их, чтобы они просыхали.

Во время однообразной работы Рае хочется, чтобы скорее пришла зима, вернее, зимние каникулы. Можно спокойно посидеть в Интернете, пообщаться в «Одноклассниках», «ВКонтакте»... Уютно листать интернет-страницы под шум вьюги, гудящей за деревянной стеной. Иногда на улице от ветра сплетаются провода, летят искры, свет в доме гаснет. Экран планшета через час-другой потухает, кончается заряд в аккумуляторе. По мобильнику можно позвонить единственной подруге Вале...

У отца на случай отключения электричества припасена керосиновая лампа. Она всегда наготове, спрятана за шторкой на подоконнике. Желтый колеблющийся огонек освещает комнату, в доме делается уютно и скучно. И как только люди жили в старину при лучине?..

«Какая же я лентяйка! — с горечью думает Рая. — И в кого я такая? Мать, отец, бабушка — все любят работать, а я...»

К вечеру сено на лугу, наконец, переворошено, солнце к этому времени как следует его просушило.

— Сена, оказывается, не так уж и много... — Рая улыбается, смотрит вокруг, затем подносит к глазам свои тонкие твердые ладони. Они блестят, словно отполированные — стерлись о деревянную рукоятку грабель.

— Посиди, дочка, отдохни, — советует мать. — Сейчас закусывать будем, пока роса не легла. Отец придет, прямо из куч грузить начнем.

— Тогда давай без перерыва, — предложила Рая. — А то рассидимся, и вставать не захочется.

Сено легко подгребается в душистые кучи, сухо потрескивает. Закусывают долго, до тех пор, пока в сумерках раздается шум колесного трактора. Отец немного запоздал. Он с усталым видом выпрыгивает из кабины, достает из тележки вилы с длинной ручкой.

— Ну, вижу, дела тут не стояли! — с довольным видом осматривает он луг. — Вон как сено расколошматили! Давайте теперь грузить.

Мать берет длинные вилы, начинает подавать отцу тяжелые навильники. Рая в который раз дивится выносливости матери: на вид хрупкая, слабая, а работает легко, привычно. Отец, как самый тяжелый, взялся

укладывать сено, старательно приминает его ногами. Рая сгребает клочки сена, упавшие с вил матери.

Наполняя тракторную тележку долго. Она казалась бездонной — сколько ни грузи, стожок никак не вырастает, а тут еще отец приминает и приминает его тяжелыми кирзовыми сапогами.

Угасала правая сторона неба. Закат из ярко-розового окрасился в малиновый цвет. Полетели ночные насекомые, похожие на маленькие вертолеты.

«Валя, небось, уже в клуб пришла... — подумала Рая, начала шустрее подгрести сено, стараясь хоть как-то ускорить работу. — И Васек, наверное, тоже там...»

Мать грузит сено на тележку равномерными движениями, на первый взгляд даже вяло, но Рая знает, что таким способом мать экономит силы и меньше устает.

— Мам, а зачем нам корова? — неожиданно, сама не зная почему, спрашивает Рая. — Автолавка каждую среду привозит молоко в пакетах.

— Так у них оно искусственное, его еще называют молочка, а у нас настоящее, от коровы — молоко.

— Но молочка вкуснее, оно более сладкое, — возражает Рая. — Я пробовала; Валька, когда я к ней приходила в гости, налила мне в кружку этой молочки...

Мать вздохнула:

— Мы с твоим отцом из старинных крестьянских семейств, привыкли держать скотину...

Вот уже первая звездочка появилась. Самая яркая над «лягушатником» — большой лужей, где живут лягушки. Увидев звездочку, они дружно закواкали, словно давно ждали ее появления. Склонив голову набок, Рая прислушалась: к чему это кваканье? Не к дождю ли?

— Ну, хватит! — сказал отец, вытирая пот фуражкой, — остальное завтра увезем с утречка...

— Давай сейчас все сразу заберем, — предложила Рая, — чтобы разделаться с ним раз и навсегда!

— Темно. Завтра вы с матерью поворошите оставшееся сено еще разок, а в обед заберем его домой. — Отец закрепил возок веревкой, крепко ее затянул. Мать и Рая забрались наверх, на пахучее утрамбованное сено. Трактор взревел мотором, дернул груженую тележку, с легким рокотом потянул ее по проселочной дороге, освещая проселочную дорогу ярким светом фар.

Рае, сидящей неподвижно, стало прохладно. Она завернулась в плащ, прилегла на сено, задремала. Мать подложила ей под голову руку, чтобы дочь не свалилась вниз.

— Мам, я на танцы пойду!.. — сонно проговорила Рая, пытаясь открыть отяжелевшие веки.

— Иди, я тебя держу, что ль... — мать усмехнулась, погладила дочь по светлым волосам, поцеловала ее в загорелую щеку.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Последний раз ударил ворчливый ослабевший гром, вздрогнули мокрые верхушки берез, сыпануло крупными каплями по лужам, и дождь постепенно затих. Небо все еще было серым, грозovým, в дальних тучах посверкивали молнии, но семилетняя Аленка и пятилетний Костик уже

не боялись грозы: в дверях сеней было видно, как медленно приближается и растет вывес розовая полоска сухого погожего неба.

Семья механизатора Фирсова пряталась от дождя в сенях домика на окраине села Прохорова, где жила маленькая добродушная старушка. Увидев прохожих, бегущих под дождем, она зазвала их к себе. Довольная тем, что у нее гости, старушка щербато улыбалась, суетилась, вынесла из хаты четыре табуретки: в дом Фирсовы не пошли, сославшись на грязную обувь.

Автобус, на котором час назад приехала семья, ходил только до Прохорова. Оставалось пройти около пяти километров до Малинок — деревни, где они жили. И давно бы семья была дома, если бы не дождь и внезапные молнии. Дождь еще ничего, а вот гроза напугала всех, и ребятишки первыми забежали в сухие темные сени.

Глава семьи, Иван, еще молодой, лет тридцати двух, невысокого роста, в новых полуботинках и хорошем костюме, стоял возле открытой двери и курил. Голубоватый дым стремительно улетал в разреженный воздух, словно его утягивало в трубу.

Старушка вынесла детям молока. Костик сразу, с явным удовольствием присосался к стакану. Аленка поначалу застеснялась, отодвинула стакан недалеко от себя, но, видя, что никто не обращает на нее внимания и не уговаривает, последовала примеру братишки.

Жена Ивана, Лида, казалась задумчивой. К ее теплому крупному плечу прислонила светлую головку Аленка, а Костик все еще пыхтел, никак не мог опилить свой стакан.

Дождик постепенно прекращался, утихал, с деревьев шумно капало, и казалось, что он еще продолжается.

— Ребятишки! Лида! Пора идти! — Фирсов-старший поправил кепку, начал подвертывать штанины брюк, с сожалением поглядывая на свои новые туфли.

Костик, допив молоко, вскочил, хотел побежать наружу, но отец успел схватить его за рубашонку.

— Штаны сначала подкатай, иначе живо в грязь уделаешь...

Дети были веселы, настроились идти дальше, только вот с обувью у них было плохо — брат с сестрой шагали в мягких цветистых тапочках из войлока. Когда мать собирала ребят в город, она рассчитывала, что день будет таким же, как и с утра, — сухим и жарким. Поэтому нужно было скорее идти — в ходьбе теплее, а когда придут домой, Лида нагреет воды, напарит ребятам ноги, вскипятит чаю, и все будет в порядке.

— У меня гольфы новые, нынче купленные, — с огорчением вспомнила Аленка. — А я их уже намочила.

Девочка остановилась, погладила гольфы рукой. В городе, на автостанции, Аленка не утерпела и надела обнову. Теперь жалела об этом.

— Вот и обновила, — улыбнулся отец. — Чего стала, модница? Пойдем...

Первым на дорогу выскочил Костик. Он устал без движения: долго сидел в автобусе, затем — в темных скучных сенях, где возле маленького окошка жужжали мухи, бестолково стучаясь в серое запыленное стекло.

Очутившись на улице, на свежем душистом воздухе, мальчик вприпрыжку побежал, шлепая по лужам, радуясь теплой воде и обилию грязи. Он взбрыкивал ногами, словно застоявшийся жеребенок, и оглядывался назад, наблюдая, как летят брызги и лепешки грязи. Надув губы, Костик гудел, изображая самосвал, тяжело идущий по размытой дороге.

— Коська! Не беги, иди полегоньку! — прикрикнула мать, хотя знала, что сынишку одними словами не остановишь. Оглянулась: на пороге окраинного дома стояла старушка в белом платочке. Прислонив к глазам ладонь козырьком, она смотрела вслед уходящим.

Неожиданно показалось солнце. Оно ослепило старушку. Та прикрыла глаза рукой. Свет заиграл в тысячах лужиц, хлынул на мокрые березы, и они засверкали, точно облитые лаком. Чистая трава взъерошилась, стала еще зеленее, и каждая травинка держала на своем острие прозрачную сверкающую капельку.

Старушка отняла ладони от глаз — лицо ее даже на расстоянии излучало доброту.

Лида благодарно улыbnулась, махнула ей на прощанье полной загорелой рукой.

«Даже спасибо забыли сказать, — смущенно подумала она. — Выскочили как угорелые...»

— Мам, у меня в тапочках вода хлюпает! — обернулась веселая покрасневшая Аленка. Новые гольфы были усеяны крапинками грязи, но девочка уже их не жалела и новыми не считала.

— Ну и что? — ответила мать. — У меня в туфлях тоже полно... Ничего, авось лето.

За околицей Иван остановился:

— Слушайте, зачем нам проселком темехать? Ноги скользят, разъезжаются, а тут еще сумка тяжелая... Давайте-ка обочиной и к лесу! По траве как-никак легче.

Никто с ним не спорил, и Фирсовы свернули влево. Они знали, что этот путь гораздо длиннее, зато не придется месить грязь. Костик два раза уже падал, да и прыти в нем поубавилось. На полпути как бы на руки не пришлось его брать, если вдруг уморится.

Трава высокая — Аленкины гольфы совсем промокли, а башмаки Ивана заблестели ярче, чем на витрине.

Все ближе лес. Темная стена светлела, вырастала. Различались постепенно стволы берез, голубоватые ели.

— Трава по ногам щекочется! — хихикнул Костик.

Лес уже рядом. От него потянули сыростью, гнилым пахом разбухшей коры. Под деревьями лежала старая листва, пучками росла высокая бледная трава. Когда Фирсовы входили в лес, солнце уже пригрело. Над опушками, как над большими кастрюлями, поднимался теплый пар. Он тяжело, неуклюже ворочался над примятыми ливнем цветами, а близ поля, на открытом черноземе, видневшемся в прогалы деревьев, туман казался белым дымом. Воздух был горячий, насыщенный влагой, но дышалось легко.

— Пап, а правда, что в лесу волки? — спросил Костик. Ожидая ответа, нащупывал большую мозолистую руку отца.

Ответила брату Аленка:

— Эх, дурачок! Волков взаправду не бывает. Их только по телевизору показывают: в мультиках и в кино.

Костик остался доволен таким объяснением, отпустил отцовскую руку. Но тут же взвизгнул, отпрянул в сторону — голые ноги обожгла крапива.

— Обкрапился, — заныл он. — Куда ты нас, папка, привел?

— Отец... Он заведет... — Жена Фирсова взяла за руку Аленку и стала присматриваться, как лучше обойти заросли крапивы. Мать и Аленка

озабоченно наморщили лбы и стали похожи друг на друга: Лида большая, круглолицая, а дочь — ее маленькая копия: такая же пухленькая, краснощекая и голубоглазая.

— Крапивы испугались? — засмеялся Фирсов. — Ну, подумаешь, обожжет разок-другой. Делов-то... Она, матушка, от голода людей спасала... Смотрите, р-раз! р-раз! р-раз!

И он стал рвать крапиву голыми руками, собирая ее в большой букет.

— Ну, кто возьмет? — Он растер самые жгучие, верхушечные стебли на плотной загрузелой ладони.

Ребятишки и Лида со смехом бросились наутек. Ноги шуршали в траве, искорками взлетали капли влаги.

— Догоню! Догоню! — шумел Фирсов. — Сейчас я кого-то поймаю...

Аленка, услышав близкий топот отца, от восторга и страха завизжала на весь лес.

Фирсов разыгрался, словно мальчишка: забежав вперед, изо всех сил стал трясти тонкую высокую березу: всех моментально обдало быстрым шумным дождиком.

— Ты что делаешь? — рассердилась жена. — И без того вымокли, а ты опять... Подними сумку!.. Так и знала, кулек с пряниками размок.

— Хочу пряника! — потянулась к сумке Аленка.

— И я! И я! — запрыгал Костик, стирая с лица капли, пахнущие березовой листвою.

— Проголодались? То-то! — Фирсов начал раздавать детям гостинцы. — Ходите со мной: всегда аппетит будет.

— Пап, давай в лесу дом построим, — предложил Костик. Он уже грыз пряник. — Будем здесь играть и жить. А бабушка будет ходить к нам в гости.

— Ишь, какой шустрый. А волки?

— Так их нету.

— Понимаешь, сынок, в лесу жить скучно. В деревне веселее. Как ты будешь тут без Владьки, без Олежки? И на тракторе я здесь не проеду...

Мальчик задумался, почесал русую головку.

Лес кончился неожиданно, хотя путники знали, что он маленький. Теперь Фирсовы шли краем поля. На просторе, в гуще колосьев, росла дикая, сильная и пышная яблоня. Фирсов любил это дерево. Каждый год, вспахивая здесь почву, он обходил яблоню плугом, стараясь не задеть корни.

Вышли к берегу Дона. Над кручей невольно замедлили шаг. На горизонте, с левого края, уходила гроза. Там нестрашно посверкивали малиновые молнии, а грома и совсем не было слышно. В той стороне было темно, будто полнеба завесили черным одеялом, от которого протянулись вниз седые космы дождя. Зато на правой половине земли, над выпуклой, освобожденной от туч поверхностью, солнечные лучи проложили светлую дорожку, вполнеба играла двойная радуга: снаружи большая, расплывчатая, а внутри маленькая, яркая, только что народившаяся.

— Большая все-таки земля, — задумчиво произнесла Лида. — На одном краю дождь лупит, гроза бьет, а на другом — солнышко, тепло.

— Это еще не вся земля, — вздохнул Иван. — Тут километров на восемь-десять обзор. Из космоса бы взглянуть на нее!

— Пап, я думал, что дождик прямо летится, как из лейки, а он, глянь, косматый, — сказал Костик, показывая пальцем на тучу.

— Да, сынок, иной раз кажется, что и есть-то на свете одна наша

деревня, а выйдешь так вот случаем на берег Дона, глянешь — и душа словно обновится, детство иной раз вспомнится...

И, обращаясь ко всем, отец добавил:

— Давайте-ка пошустрее. И так кругалась дали...

Внизу, под высоким берегом, блестел, переливался Дон. После дождя вода несколько не помутнела — золотилась на песчаном мелководье, темнела на свалах. Издалека было видно, как быстрое течение шевелит песок, и он легко струится, перекачивается на другое место, меняя узор дна.

Показалась деревня. Фирсовы зашагали быстрее. Больше никаких приключений у них не было, если не считать того, что Аленька заметила пушистого, похожего на кошку, зверька, скрывшегося в норке, а Костик отдал свой недоеденный пряник лошади, пасшейся на лугу.

СЕРЕГИНО РУЖЬЕ

У моего приятеля Сереги было отличное ружье-двустволка с гладким лакированным прикладом, с чеканкой на стволах. От ружья исходил терпкий запах пороха и масла. Мы с Серегой откидывали стволы, по очереди смотрели на стенки, сияющие двумя радужными кольцами.

У меня тоже было ружье, с виду похуже — древняя одноствольная берданка с самодельным прикладом. Правда, дед хвастал, что фабричный приклад он расшиб о лоб волка, но я не очень-то верил — старик любил приврать. Зато я, беря в руки берданку, представлял себя настоящим охотником, более удачливым и смелым, чем дед. Я был уверен, что когда-нибудь непременно добуду волка и брошу шкуру к ногам деда — пусть греет ноги.

Мы с Серегой учились в седьмом классе, сидели за одной партой. Интерес к ружьям, к охоте сдружил нас. Из Серегина ружья мы стреляли каждый день.

Научились сами готовить патроны: по специальным меркам насыпали в гильзы порох, дробь, забивали бумажные пыжи. Потом выходили во двор и находили цель. Чаще всего палили по веткам, листкам бумаги, развешанным на кустах. Морозные ветки, сорванные свинцовым смерчем, с хрустом отламывались, медленно падали на землю.

Мы и не думали, что Серегин сосед тоже заядлый охотник. Просто знали, что есть такой дядя Володя, который летом ездит на мотоцикле и с которым Серега здоровается при встречах.

Уборная дяди Володи, маленькая неказистая будочка, давно манила стволы наших ружей, и вот однажды, когда, по нашим предположениям, дядя Володя и его жена были на работе, мы решили стрелкнуть по этому сооружению.

— Давай! — сказал Серега и сунул мне двустволку. Я подбросил ее на руках, прицелился. Серега дышал над ухом, от волнения он привстал на цыпочки. Я внезапно обрубел, опустил ружье.

— Вдруг кто увидит?

— Ерунда! — торопил Серега. — Никого нет, не бойся. Ничего не случится, дробинки в досках застрянут, никто не заметит.

Я выстрелил. Заряд дробы хлестанул по ветхому строению, сорвал фанерную крышу. Дверца треснула, отвалилась, повисла на одной петле.

— Вот это да! — удивился Серега. — А ну, дай я. Все равно уж...

Он взвел курок и выстрелом из второго ствола отбил еще пару досок.

— Пора смываться, — сказал он и вдруг замолчал: по огороду, в ва­ленках и без шапки, бежал дядя Володя, размахивая кулаками.

— Это что же такое?! — вопил он. — Идите сюда, хулиганы! Живо!
Повинуясь его сильному голосу, мы пошли, неуклюже перевалились через низкую изгородь.

— Оружие стволом вниз! — приказал грозный сосед.

Сергеа повиновался.

Дядя Володя покричал, пригрозил милицией, пообещал пожаловать­ся родителям. Он читал нам нотацию, а взгляд его все чаще останавли­вался на Серегинем ружье. Наконец он взял его, рассмотрел, оценил, как знаток.

— Ничего ружьецо... Ладно, вундеркинды, воспитаю из вас охотни­ков, а сейчас пойдем за молотком и гвоздями... Артиллеристы!..

К вечеру уборную полностью реставрировали. Вернее, работал один дядя Володя, а мы крутились около, стараясь помочь.

— Видите, сколько из-за вас потерял времени? — повернулся он к нам.

Мы виновато опустили головы.

— Ладно. Теперь пойдем ко мне. Я добрый, зла не держу.

Он повел нас в дом. Оказалось, что дядя Володя — давнишний охот­ник. У него была двустволка, чуть похуже Серегиней, патронташ, охот­ничий нож, набор покупных патронов, бинокль. Дядя Володя оказался действительно добрым человеком. С нами был запанибрата, с ним было легко и просто. На прощание он снял с плиты кастрюлю с горячими пель­менями, накормил нас:

— Ешьте, братцы, не стесняйтесь. У меня отгул, — пояснил он. — Завтра тоже свободен. Хотите, свожу на охоту?

На охоту? Еще бы! Мы с Серегой давно мечтали познакомиться с бы­валым человеком.

На другой день мы пришли к нему с утра. В доме был беспорядок, на столе возвышались пустые бутылки, стояла грязная посуда. Дядя Воло­дя проснулся, пожаловался на головную боль.

— Гости были, — пояснил он. — Приходите после обеда.

Время прошло незаметно. Мы вспомнили о Жучке, нашей общей со­баке, и решили взять ее с собой. С собакой, какая бы она ни была, идти на охоту гораздо солиднее.

Жучка была бродячей собакой. Она приходила на нашу улицу, игра­ла с теми, кто ее не обижал. Мы пробовали приручить Жучку: Сергеа са­жал ее на цепь, но на привязи собака делалась печальной, ложилась на живот, клала морду на лапы. Однажды ее хотели пристрелить как бродя­чую, но я спрятал ее в сарае, тайком кормил.

Увидев Жучку, дядя Володя презрительно скривил губы:

— Разве это собака — это шалава!

С трудом уговорили его взять Жучку с собой. Мы с Серегой собрались на охоту быстро: натянули под пальто свитера, завязали шеи шарфами, опустили у шапок уши. За плечи, как заправские охотники, забросили ружья дулами вниз.

Дядя Володя возился часа два. Он надел ватную стеганую безрукав­ку, сверху полушубок, опоясался двумя патронташами, достал кожаную сумку:

— Ягдташ! — пояснил он. — Охотничья сумка. В нее будем склады­вать добычу.

Но пока он положил в нее кусок сала, несколько яиц, пару огурцов, луковичку. Прихватил и бутылку водки.

— Это для сугрева! — щелкнул он по горлышку посудыны.

Потом искали белый маскировочный халат. Дядя Володя непременно хотел надеть его. Мягкий медицинский халат висел на нем складками, и он долго сокрушался по этому поводу, хотел даже гладить.

— Дядь Володь, уже два часа, день кончается, — поторопил Серега.

— Ты, сосед, не подгоняй. Настоящий охотник в любое время охотник! — важно заявил дядя Володя. Совсем уж было пошли, как он вдруг спохватился:

— Бинокль!

Пришлось возвращаться и искать бинокль. Наконец мы встали на лыжи и отправились на охоту. У нас с Серегой были обыкновенные лыжи, а у дяди Володи специальные охотничьи, похожие на доски, тупоносые. Он на них не ехал, а шел. За селом, по снежной морозной корке, дядя Володя поехал легче.

— Ну что! — победно кричал он, когда мы с Серегой отстали. — Чьи лыжи лучше?

Жучка бежала сзади. От дяди Володи она держалась подальше, потому что он все время норовил стукнуть ее лыжной палкой.

Приехали в небольшой лесок. Деревья росли по склонам оврага, а мы стояли на самой круче. Солнце краснело, готовилось опускаться за горизонт. Дядя Володя посмотрел на часы: была половина четвертого. Он приложил к глазам бинокль, дал поглядеть нам. Интересно было разглядывать дальние перелески, но дядя Володя отобрал бинокль, снял с плеча ружье, зарядил оба ствола и настороженно приложил палец к губам. Однако я ничего не слышал, хоть и поднял уши шапки.

— Нет, почудилось мне, — сказал дядя Володя. Оглядываясь по сторонам, словно шпион, он неуклюже затопал на лыжах по краю оврага.

Жучка, принюхиваясь, запетляла по следам.

— А она не такая уж глупая, — удивился дядя Володя.

— Еще бы! — поддержал я. — Она, знаете, какая умная!

— Посмотрим... — буркнул дядя Володя.

Перед тем как съехать с горы вниз, я задумался — слишком крутым показался спуск.

— В чем дело? — крикнул дядя Володя. — Вперед, орлы!

Затаив дыхание, я оттолкнулся палками, и только ветер в ушах зашумел. Следом съехал Серега. Продавливая лапами снег и увязая по брюху, сбежала вниз Жучка.

Дядя Володя кряхтел и медлил.

— Я, пожалуй, обойду кругом, — зашумел он сверху.

— Не бойтесь, съезжайте, — замахал руками Серега и подмигнул мне.

Дядя Володя нерешительно помялся, вздохнул и шагнул вперед. До середины спуска он ехал нормально, а на самом разгоне его правая лыжа за что-то зацепилась, и дядя Володя кубарем полетел вниз. В белом халате он был похож на снежный ком. В сугробе мелькали поочередно лыжные палки, бинокль, ягдташ.

Дядя Володя скатился к нашим ногам, бодро встал, начал отряхиваться.

— Вот вам и первое приключение, — попытался он улыбнуться. — Теперь вам понятно, что на долю охотника выпадают не только удачи? Здесь от человека требуется мужество, спокойствие души... Постой, где же ружье? Тыщу рублей за него отдал!... Ищите, хлопчики, ради бога ищите!

Мы принялись искать двустволку. Темнело. Кончался короткий зимний день. Мы перерыли весь след, по которому летел вниз дядя Володя, и с трудом нашли ружье. В стволы набился снег, и, чтобы прочистить их, дядя Володя бабахнул в воздух. Выстрелы раскатисто ухнули по оврагу. Мы тоже по разу стрельнули. Красные языки пламени красиво сверкнули в надвигающихся сумерках. Запахло сгоревшим порохом, и ко всем троим пришел охотничий азарт.

— Кого бы застрелить? — хрипловато сказал дядя Володя.

Застрелить было некого. Я впервые был на охоте и рассчитывал увидеть в лесочке множество зайцев, лисиц и даже волков. Хоть волка встретить было страшновато, но рядом находился дядя Володя, бывалый охотник.

— Перекур! — объявил он, доставая из сумки все припасы, водку, раздвижной пластмассовый стаканчик. Вынул из ножен длинный блестящий нож, порезал сало, огурцы.

Закусили мы с аппетитом. Дядя Володя выпил почти всю бутылку, запьянел и рассказывал нам о том, сколько он на своем веку перестрелял кабанов, зайцев и лис.

— Темно, — поежился Серега, — пора домой.

— Эх, салаги! С вами только на охоту ходить, — поднял сумку дядя Володя. — Ладно, пошли.

Одолели половину пути. Дядя Володя часто падал, глаза его осоловели. Мы с Серегой то и дело поднимали его. Жучка бежала впереди, обнюхивая чьи-то следы.

— Мышей чует, тварь, — сплюнул дядя Володя и дернул ружье за ремень.

Потом остановился, непослушными пальцами достал из кармана папиросу. Долго прикуривал. У него ломались спички, гасли на ветру.

— Чья все-таки собака? — спросил он, покачиваясь. — Твоя? — ткнул пальцем в Серегу. Тот отрицательно покачал головой.

— Твоя? — повернулся ко мне.

— Ничья. Наша... Она хорошая!

— Хорошая? — усмехнулся дядя Володя. — Чем же она хорошая? Ну, скажи, чем?

Дядя Володя начал стаскивать с плеча ружье с налипшими к стволу кусочками мерзлого снега. Я думал, он хочет перевесить его на другое плечо, но вместо этого дядя Володя выстрелил в Жучку. Я ничего не понял, а только услышал грохот, увидел сноп пламени, ударивший из ствола.

Жучка закричала. Вернее, она завывала, но вой этот был страшен. Сердце мое испуганно напряглось. Жучка боком легла на снег. Шерсть ее в одном месте стала темной и мокрой. Жучка дергалась и смотрела на нас глазами, красными от закатных лучей солнца.

— Не смей! — заорал Серега. Он, спотыкаясь, побежал к Жучке. Одна лыжа соскочила и волочилась за ним. Не успел он пробежать и трех шагов, как дядя Володя выстрелом из второго ствола добил собаку. Вой оборвался. Стало тихо.

— Вот так! — хрипло дыша, сказал дядя Володя.

— Зачем, зачем вы? — спросил я дрожащим голосом.

— Что ты с ним разговариваешь? — крикнул Серега. — Это же гад, фашист!

— Ты кого обзываешь, щенок? — зарычал дядя Володя. — Меня? Да я тебе...

И он двинулся на Серегу с кулаками.

Я видел худую спину дяди Володи и злого, взъерошенного, словно воробей, Серегу. У ног его лежала мертвая Жучка. Как копые, он выставил вперед лыжную палку. Шапка напозлазла Сереге на глаза, одной завязки на ней не хватало. Я сорвал с плеча старую берданку:

— Не тронь Серегу! А то я...

Слова застряли в гортани, из глаз полились слезы.

Дядя Володя вздрогнул, медленно повернулся ко мне. И сразу руки мои задрожали, ружье шлепнулось в снег.

Дядя Володя подошел ко мне. Я закрыл лицо руками, думал, ударит. Холодная его рука пролезла под шапку, нащупала мое ухо и сильно крутанула.

— Шпана! Бандиты! — шипел он. — Все расскажу родителям, пусть вас выпорют. В школу сообщу, в милицию! Ишь, что удумали — оружием угрожать! Этак вы и застрелить можете. Из таких вот сопляков и получают преступники, рецидивисты всякие...

Дядя Володя бросил мое ухо, высморкался и пошел на своих неуклюжих лыжах в сторону села. Вскоре фигура в белом халате растаяла в темноте.

У меня все еще текли слезы, я вытирал их колючим рукавом пальто. Хотелось заплакать по-настоящему, в голос, но при Сереге было стыдно.

Мертвая Жучка была тяжелой. Мы похоронили ее в сугробе, навалили снежный могильный холм, бабахнули из двух ружей прощальный салют.

...Прошли годы. Мы с Серегой выросли, и больше не ходим на охоту, хотя лисы и зайцы водятся в наших краях. Серегино ружье лежит в сарае на полке. Оно постарело, запылилось, стало такое же плохое, как и мое.

ТУЖИЛОВСКИЕ «МОГИКАНЕ»

Ранним утром, в октябре, едва рассвело, к дяде Игнату пришел Профессор со своей тетрадкой — вроде по делу, а на самом деле опохмелиться после вчерашнего. Профессор — «важнецкай» в деревне человек, он тракторист, пашет деревенским старикам огороды. Вот и старику вчера вспахал под картошку двадцать соток. По крестьянскому правилу: умирать собрался, а огород сажай...

В трудные утренние минуты дядя Игнат всегда выручал сельского пахаря, «кормильца», как его величали в Тужилровке.

Вот и сейчас дядя Игнат открыл скрипучие дверцы шкафчика, достал пыльную бутылку из темного стекла с заметно колышущейся, будто маслянистой жидкостью внутри.

— Последняя!.. — сказал он, мельком взглянув на опухшее лицо Профессора, затем с многозначительным печальным стуком установил ее посреди стола. Хотел стереть пыль тряпкой, но торопящийся «поправиться» Профессор рукавом собственного пиджака проделал за него эту быструю работу. Гость сам торопливо наполнил толстостенную рюмку; крякнув, повторил, потом «под аппетит» и третью, «закругленную». Вскоре Профессор зарозовел лицом, сделался более горазд к разговорам.

Игнат Иванович не утерпел и тоже пропустил стопку за компанию, хотя и собрался нынешней зимой помирать.

Дяде Игнату недужилось, и он, вежливо слушая гостя, прилег на свой

диванчик: он знал Профессоровы лекторские замашки. Пусть говорит вместо радио.

— Ты говори, Лексей, я слушаю тебя...

— О русском мужике не писал никто... — серьезно начал Профессор. — Толстой, Чехов, Бунин помаленьку кропали, однако они были дворяне и помещики, а изнутри крестьянского класса в литературу никто явиться не пожелал...

— Да когда же нам, крестьянам, писать? — сказал дядя Игнат чуть заплетающимся языком. Одна-единственная рюмка на него тоже подействовала.

— Проблема в том, что все крестьянские писатели писали барским языком... А народных занозистых словечек — раз-два и обчелся... Давай, старик, историю твоей жизни напишу?.. — Все в деревне знали, что во время запоев Профессор забывает трактор и думает только о добавлении выпивки.

С нынешней весны чувствует себя дядя Игнат совсем плохо, медленно бродит по двору, ничего делать по хозяйству он уже не в силах. Да и как же бывшему фронтовику еще чувствовать себя в восемьдесят три года? Мужики здешние молодыми мрут, а он до таких больших годов дожил! Говорят, в старину и по сто лет здешние люди жили... Сказал об этом Профессору.

— Заливаешь, дядя Игнат... — ответил опохмелившийся и в то же время погрузневший гость. — Еще у Некрасова написано про мужика: «Как ком земли отвалится...» Средний возраст сельского труженика в то время — сорок лет! Николай Александрович крепостное право получше нашего знал...

— Какой Николай Александрович? — спрашивает дядя Игнат.

— Здорово, старик, ты, наверное, даже в начальную школу не ходил.

— Четыре класса у меня есть!.. Потом курсы трактористов, танкистом на войне был...

— Это тебе не оправдание, что ты не знаешь стихов великого русского поэта! — Профессор долгим взглядом покосился на ополовиненную бутылку, затем перевел взгляд на дядю Игната и понял, что старик больше не нальет. Вздохнув, Профессор поднялся с табурета, быстро распрощался, ушел. Он считал, что разговаривать с человеком, который даже про Некрасова не слыхивал — бесполезное дело.

Дядя Игнат кивнул ему на прощанье и в который раз вздохнул.

СОВЕТСКИЙ ПРИЕМНИК «РОССИЯ»

Сколько живет дядя Игнат, всегда удивляется он еле заметной разнице между августом и сентябрем. В августе хоть дождь, хоть солнце — все равно чувствуется, что еще лето. А в сентябре встанешь раненько, глянешь — солнышко ниже лучи пускает, и как-то ярко серебрятся они на верхушках деревьев, на мокрой траве. Солнце поблекло, стало прохладнее, нет от него тепла. За деревней прозрачный голубой воздух. От леса летит мелкая паутинка, липнет к лицу, малость щекочется. Вокруг чисто и ясно, на душе хорошо.

Поеживаясь от утреннего холодка, в светлых рубашечках, только уже без галстуков, идут в школу ребяташки. Здешняя маленькая школа закрылась, теперь школа находится в соседней деревне Вешаловке, и дети выходят пораньше к перекрестку, где их подбирает желтый школьный

автобус. Ребятишки смуглые и беленькие, есть дети народов других республик, которые теперь почему-то называются «заграницей».

Отправляется на прогулку и дядя Игнат. В руках у него маленький радиоприемник, подаренный в советские времена от колхоза. Приемник долго молчал, а на прошлой неделе Профессор съездил на рынок, купил батареек. И приемник вновь заговорил старым, чуть хрипловатым голосом, поет и балакает на все голоса, стоит только лишь покрутить колесико.

Дедушка помнит, как радио первый раз в Тужиловке появилось, в избе-читальне. Антенну протянули длинную, чуть ли не через всю деревню. Приемник был на трех лампах, которые светились так ярко, что при них можно было читать. Репродуктор хрипло бормотал, но все равно мужики собирались кучкой, слушали новости из Москвы.

Иногда по приемнику скрипки играют, жалобно и протяжно, и кажется дедушке, будто сложена музыка про эти поля и про то, как он в одиночестве бредет по дороге.

«ЗАГРАНИШНЫЕ» ТРАКТОРЫ

Октябрь — прекрасный месяц. Лесополоса возле свекольного поля словно разукрашена заезжим художником. Желтеют макушки берез, пятнами краснеет мелкий кустарник, зеленеют, как ни в чем не бывало дикие яблони. Воздух еще теплый. В лесополосе громко кричат грачи. От свекольных грядок тянет сладковато-горьким холодом.

Молодые трактористы из села Вешаловка на «заграничных» красивых тракторах заканчивают пахать зябь. Профессор говорит, что такие трактора не ломаются и работают по двадцать лет без ремонта.

Дядя Игнат любит смотреть на обновленные поля. Лежит чернозем вверх нутром, блестит под осенним солнцем. Земля имеет собственный ни с чем не сравнимый запах плодородного слоя, ароматный настой силы. От него у дедушки кружится голова.

Пусть теперь уже не колхозная земля, а чья-то, все равно радостно и приятно на нее смотреть. А за погляд, как говорится, денег не берут.

Летом дядя Игнат продал свой колхозный пай — девять гектаров за двадцать пять тысяч, положил на сберкнижку, для похорон приготовил. Авось и лучше, что продал. Ведь ее, голубушку, не пощупаешь как «свою», затерялись бывшие его девять гектаров в буграх да лощинах — одна лишь бумажка, «земельный ваучер», на руках. Теперь и бумажки нет...

И все-таки Игнат даже о проданной, теперь уже навсегда чужой земле думает как о своей. Привык так думать в те времена, когда она была колхозная.

Перевернутая почва дышит спокойно — труженица-земля приготовилась отдыхать. Ее, прокаленную горячими лучами солнца, изъезженную колесами машин и тракторов, мучит теперь жажда. Здесь в этом году сеяли пшеницу, урожай был хороший, убирали одним американским комбайном, который, говорят, тоже не ломается и заменяет десять советских машин.

Скоро, скоро зарядят долгие осенние дожди. Потом ударят морозы, и земля онемеет, заслонится от холода тонкой поверхностной корочкой. Не страшен земле мороз. Закроется она от него белым снеговым одеялом. «Спи спокойно, голубушка, отдыхай», — говорит ей дядя Игнат.

На токах и в складах народу мало — там тоже все делают машины. Зато охраны прибавилось, с десяток человек следят за всем бывшим колхозом, ездят туда-сюда на машинах, поглядывают, как бы кто не взял чего лишнего. Кончилась вековая колхозная растащилка.

ЧЕШСКИЕ САПОГИ

Неделя-другая — вот тебе и осенняя слякоть. Без конца льют дожди. На дороге лужи. Дедушка если и выходит на улицу, то в резиновых сапогах с высокими, до колен, голенищами. Это не обычные сапоги, а чехословацкого производства. До сих пор они сохранили свой первородный ярко-зеленый цвет, подошвы литые, прочные, как из железа. Этим сапогам дядя Игнат не нарадуется — в них хоть куда! Вот уж сколько лет прошло, как сделаны сапоги в далекой Чехословакии, а им нет сносу, они переживут самого дедушку — только вот кому достанутся после его смерти, кто их возьмет? Ведь сапоги-то все равно старые...

Теперь мало гуляет дядя Игнат. Больше сидит дома, поглядывает на дорогу. Мокрая, в мелких лужицах, она ярко блестит под пасмурным небом. Время от времени по ней проезжает какой-нибудь случайный трактор или автомобиль-вездеход. Автомобили самых затейливых иностранных марок — это навещают своих тужиловских родичей богатые горожане, а заодно проверяют в грязных колеях вездеходную технику.

Иногда, тяжело ворочаясь в грязи, ползут, фыркая черными струями-выхлопами КАМАЗы — возят песок из здешнего маленького карьера, открытого предприимчивым частником. Но скоро, говорят, карьер отойдет к другим собственникам, которые установят на въезде в карьер шлагбаум с колючей проволокой, и денег за песок будут брать больше.

Похолодало. Наружу теперь выходить не хочется. Дедушка смотрит в окна: то на улицу глянет, то во двор. На огороде дождь поливает бурьян на меже. Даже через стекла слышно, как шуршат заросли под сильными дождевыми струями. Мокрые осинки на задах огородов сбились в кучу. От воды стволы их поблескивают, будто светятся. Под деревьями набухает опавшая листва.

Грустная пора. Улетели веселые птицы, разъехались по городам отпуски. Замерла на отдых кормилица-земля, а вместе с ней получили отдышку деревенские люди.

Дачники, забив окна домов досками, уехали. Осень, зима и особенно весна — пора поджогов и краж. Причем горят дома на берегу реки, где красивые места — там, говорят, будут строиться коттеджи. Приезжала милиция, делала несколько раз засаду на поджигателей, местные старики ночами не спали, караулили, да только все зря — милиция никого и не поймала, даже следа не нашла.

В такую погоду сидеть дома скучно, тоскливо. Дядя Игнат с нетерпением ждет почтальонку — принесет газеты, заодно расскажет новости.

ДЕНЬ ПЕРВОГО СНЕГА

Сегодня дядя Игнат проснулся, глянул в окно, а там белым-бело. Снежок, оказывается, выпал. Приятная весть. Избы, сараи — как в шапках. И даже на острых кольях штакетника сумели снежинки прилепиться: на каждом колышке своя шапочка.

Тишина. Только иногда все еще проезжают редкие самосвалы с дешевым песком. Хрустят под их колесами смерзшиеся льдинки на дороге.

Обул дядя Игнат валенки с калошами, оделся теплее, вышел на улицу. Идет, следы остаются четкие, узор от калош полностью пропечатывается.

На полях снега, однако, мало. Не сумел он полностью прикрыть валки вспаханной озими — торчат черные бока земляных, чуть припорошенных глыб. Полю не такой снег надо — ему давай сугробы по пояс. В газете пишут и по радио передавали, что это все от потепления климата и что скоро не будет на земле ни жары, ни мороза, а круглый год будет сплошная склизотá. А пока ничего, падает помаленьку снежок...

В день первого снега дышится вольно, легко, чувствуется власть холода над всем пространством. Значит, народилась уже малютка зима.

Долгими зимними днями дядя Игнат сидит дома, изредка выходит на крылечко, подышать ядреным морозным воздухом. Не обидела нынешняя зима снегом — сугробы растут с каждым днем, тропинку до калитки приходится чистить каждое утро. Вот тебе и «потепление климата»!..

После недавних метелей в деревне тишина, кругом бело. Фыркнет лошадь, проскрипят полозья саней. Это едет Мирон, тоже старик, у него осталась единственная в деревне кобыла, масть которой на фоне белых сугробов кажется грязно-серой.

АВТОЛАВКА ПРИЕХАЛА!

Некоторые дома вполне исправные, отремонтированы — летом в них живут дачники.

Почти всем оставшимся на зиму — за семьдесят, а то и за восемьдесят. На посиделки друг к другу не ходят, смотрят по телевизору «Давай поженимся», передачи Малахова и т.д. Телевизор для них — «третье окно».

Старушки, пережившие войну, экономны, деревенские Коробочки. Пережили голод, войну. Лампочки электрические по двадцать пять ватт, чтобы не спотыкаться вечером. Свет слабый, как при лучинах в старые времена.

По средам приезжает автолавка. Это здесь маленькое событие: купив товар, можно обменяться новостями. Деревенские жители покупают молоко в пакетах, называют эту продукцию «молочка». Лишь две-три семьи в силах держать настоящих коров.

— Привезли сегодня молочку?

Выбор молока большой, несколько названий. А ведь когда-то эти старушки сами добывали молоко тяжелым, от зари до зари, трудом. Да еще в колхозе работали.

Бредут старики, несут пакеты молочки в натруженных жилистых ладонях — бывшие трактористы, доярки, телятницы, свекловичницы. Доживают свой век без ахов и вздохов. «Пензию плотют, и ладно!» Ухитряются помогать из этой пенсии детям и внукам.

К автолавке пришел парень в куртке, залатанной скотчем, в дедовой шапке набекрень.

— Мне пивасика, пару баклажек! — говорит он. — Надоела самогонка, освежиться надить...

Новые слова приходят в деревню. Дедушка их не понимает: почему молоко стало называться «молочкой», а пиво — «пивасиком»?..

ДЕРЕВЕНСКИЙ ФЕЙЕРВЕРК

Незаметно подкатил Новый год. Вечером прошелся дедушка по улице — везде окна светятся, видны раскрасневшиеся веселые лица, доносится шум застолья — люди встречают праздник.

В соседней Вешаловке раздаются хлопки — будто выстрелы, в ночное небо взлетает разноцветный салют. Там живут несколько богатых семей — те все праздники отмечают запуском трескучих ракет.

Ракеты, красиво лопающиеся в воздухе, напоминают дяде Игнату войну, и он, бывший фронтовик, невольно втягивает голову в плечи: вдруг с неба снаряд свалится? Ослепляет небесный свет шутих и петард — будто сам ночной воздух лопается. Но если люди тратят деньги на порох и ракеты, значит это им зачем-то нужно.

Грустно Игнату, одиноко. Старуха умерла шесть лет назад, детей нет. В соседнем районе живет племянник Илья, да только редко, очень редко навещает он старика. А если и приедет, то за тем, чтобы попросить «в долг» деньжонок.

Приезжали два знакомых дачника, тоже пожилых — поглядеть, целы ли дачи. Все оказалось на месте, ничего не украли, на радостях дачники выпили, дядю Игната угостили хорошей московской водочкой, обмыли Рождество.

Зимой вволю уж не погулять. Пройдет дядя Игнат по улице, выйдет за село, в поле. Дорога рыхлая, неудобная, развороченная тракторами, мощными самосвалами. Снег истолченный, сухой, как песок. Ноги в нем вязнут, как в песке.

НА ТЕПЛОМ ПОРОГЕ

Самогонный аппарат замолчал навсегда. Теперь уже никогда не зашипит он ласковым шипом, не загудит, не завоняет пьянящей сладостью на всю улицу и не взорвется с громким хлопком, разбрызгивая остатки шипящей браги — так было раза два, когда дядя Игнат засыпал возле своего друга и кормильца.

Старик сидит на пороге, нагретом солнцем, со слезами на глазах очищает медную трубку змеевика лысой наждачной бумагой. Потер — чуточку заблестела.

Если зима приходит сразу, то весна отвоевывает свое постепенно. Зима как: снег навалит, морозом его закрепит и на долгие месяцы ее власть. А весна под нее подкапывается исподволь, постепенно, не сразу она зиму перебарывает. Вот уж март, а морозы жмут сильные, трещат деревья.

И все-таки март — это уже весна! Возле дома дяди Игната стоит железная бочка, летом в нее дождевая вода с крыши натекает. Мартовским полднем выйдет дедушка, потрогает бочку — теплая... Жарче, значит, стало солнышко греть, выше поднялось. Воробьи голос приобрели, перепархивают с ветки на ветку. Идет, карабкается веснишка!

С юга теплый ветер подул. Он сдвинул мороз и стылый воздух. Сугробы прижухли, обмякли, потемнели. На дороге трактора и мощные грузовики с песком натолкли в колеса водицу. Едет грузовик, а вслед торопится мутный маленький ручеек.

Холодно, однако, зябко. К вечеру, глядишь, ветерок вдруг с морозцем заявляются, снова зима ночевать приходит. Злая, нервная — куса-

ет, щиплет нос. Идет дедушка вечером по дороге: ледок под ногами хруст, хруст...

За деревню выйдет, смотрит, как солнце желтоватое медленно опускается, значит, день уже больше стал. Дышит дядя Игнат полной грудью и знает: скоро пойдет полая вода, будет большой весенний шум.

Потом придет жара с аравийских пустынь. Там, как говорили по радио, у них много нефти в пустынях, люди там живут хорошо, строят огромные холодильники среди жгучего песка, и там, под стеклом, катаются на лыжах по искусственным сугробам.

Однажды вечером правая калоша возьмет вдруг да и соскочит с валенка, утонет в снегу. Рукой ее дедушка тащит, а под снегом — хлюп, хлюп — темная водица. Накопилась, холодная, стоит. Поднимет дедушка голову, прислушается: батюшки! — ветра совсем нет, над деревней туман повис. Снег тяжелый, мокрый, крупитчатый.

Наутро по дороге уже вовсю шумят ручьи, солнце плавит снега. Идет вода — первая, снеговая, незамутненная. В палисадниках греются деревья, ветки почками к солнцу выставили. «Ну, — думает радостно дедушка, — доконала весна зиму!» Но не тут-то было. К вечеру опять — бах! — морозец. И морозишко так себе, квелый, прихватывает и ручьи, и лужи, останавливает все весеннее движение.

— Ну, погоди, чертенок! — грозит дедушка палкой. — Завтра солнышко тебя накажет.

Несколько дней весна с морозом воюет, а потом однажды вечером разольется большая теплынь, загудит в небе южная сырость, зашумят, забурлят по оврагам потоки воды, застонет на пруду лед. Теперь уж весну никто не удержит.

Днем в эту пору дядя Игнат сидит на лавочке возле дома, греется на солнышке, смотрит, как ребятишки кораблики пускают. Кораблики пластмассовые, магазинные, как настоящие, хотя настоящих дедушка в жизни своей ни разу не видел. Ходко плывут кораблики в большом мутном ручье. Только слышно: щелк, щелк гулками бортиками о льдистую кромку берегов.

СЕЮТ И НЕ МЕРЗНУТ

Просыхает земля, и начинается сев. Приходит в поле и дядя Игнат. Ему интересно, как идет работа.

Гудит желтый американский трактор, весь какой-то круглый, аккумуляторный, с огромными колесами, тянет за собой такую же огромную автоматическую сеялку, засевающую сразу чуть ли не треть поля. Говорят, такие трактора не ломаются, а сеялки сеют точно, как по линейке. И семена фабричные, протравленные от заразы, с добавками удобрений, вроде капсул.

Дедушка останавливается на краю поля, возле полиэтиленовых мешков с семенным зерном, провожает трактор взглядом до тех пор, пока он не скрывается за горизонтом. Вот и шума дизеля не слышно.

Тракторная кабина теперь стала особенная — летом в ней холодильник пропеллером воздух гонит, зимой специальный подогрев. Разве такое удобство сравнить с открытым всем ветрам ХТЗ, на котором работал когда-то молодой Игнат, подстилавший на голое железное сиденье ватную телогрейку?..

«Вот бы в тогдашние колхозы такую современную технику — ни один

империализм бы нас не победил!» — мечтательно думает старик. Он никак не может смириться мысленно с тем, что комфортная и надежная сельхозтехника произведена в капиталистических странах, а собственных советских машин на селе почти не осталось.

ЛЕТАМИ МЕРЯЕТСЯ ЖИЗНЬ...

Деревня Тужиловка замерла под ярким полуденным солнцем. Чуть облако наплывет — и уже другая окраска местности, другие тени ползут через луг. Минуту назад серебрились под солнечными лучами заросли полыни возле кладбища, ярко белели стволы берез, но вот нашла туча — и сразу стало пасмурно и скучно, и с легким шумом тронулась листва на деревьях.

Кладбище в Тужилровке запущенное, заросшее сплошь деревьями и кустарником. Здесь отдыхают от своих трудов бывшие колхозники, а еще прежде под эти столетние деревья улеглись крепостные крестьяне.

На скамеечке возле дома, под густой тенью лозин, положив на колени палку, сидит дедушка. На седых, коротко стриженных Профессором волосах — картузик с пуговкой. На узких плечах — старая солдатская гимнастерка. Ноги сегодня не мерзнут, и вместо валенок дедушка надел галоши по шерстяным носкам.

Дедушка выбрит: племянник Илья, живущий в соседнем районе, еще давно подарил ему электробритву «Москва», и от нечего делать дядя Игнат бреется утром и вечером, с удовольствием поглаживает щеки.

Тишина. Приезжим людям она кажется душной, бесконечной, но старик различает в ней привычные шорохи и звуки. Деревенская улица, разомлевшая от жары, похожа на уснувшего человека — не каждый услышит ее дыхание.

Дядя Игнат смотрит на дома, стоящие напротив. В окнах отражается полуденное солнце. Дорога от жары загубела: комья земли засохли, стали твердыми, словно камни. По обочинам склонили пыльные головки лебеда, упорно стоит духмяная полынь. Сушь, зной, безлюдье. Наверное, так было здесь и триста лет назад, когда появилась на берегах реки эта незаметная деревушка. Кажется, вот-вот из-за поворота покажется бричка барина Тужилова.

Но вот где-то скрипнула дверь. Дедушка чуть приподнимает голову — знать, соседка открыла свой сарайчик. В воздухе пронесся и погас еле слышимый запах навоза. Захрюкал, взвизгнул и сразу зачавкал поросенок.

ХЛЯБИ НЕБЕСНЫЕ

С середины лета, не прекращаясь, день за днем шли дожди. По раскисшим дорогам, нутужно гудя и переваливаясь с боку на бок, шли редкие автомобили.

Игнат Иванович смотрел на них и ему казалось, что закапризничала не только природа — техника тоже отказалась повиноваться людям.

Мимо дома проезжали иногда молоковоз, бензовоз, автолавка. Машины брыкливо вертели задом, норовили стать поперек дороги, лезли в придорожные кусты, словно блудливые коровы.

Накинув плащ с капюшоном, закрывающим седую голову, Игнат Иванович выходил к полю созревшей пшеницы, пригнутой дождем к зем-

ле, закрученной воронками. Поле было похоже на мокрую взлохмаченную голову мальчишки, который только что выкупался в пруду.

Некоторые комбайнеры пытались косить и в такую погоду, но ничего не получалось. Даже на заграничных комбайнах. Оставалось только ждать.

Старик каждое утро приходил в механическую мастерскую. Он стоял в стороне и наблюдал, как комбайнеры с невеселыми лицами ходят по гулкому помещению, возятся с машинами, подкручивают гайки.

«Заладили дожди — никакого им окороту, — думалось пожилому человеку. — Слава богу, что земля большая. В Тамбове и Курске, говорят, мало дождей было. Хлебушек стоит как чистое золото. Вот тебе и химия, вот тебе и заграничные удобрения... Переменится погода, обязательно переменится. Вон уж дождик, прорва, кажись, остепенился...»

Прошло три дня. На четвертую ночь у Игната Ивановича заломили кости. Он застонал и проснулся. «Слава богу, — подумал он, — к теплу повернуло, к сухотé!»

НЕ ПРИГЛАСИЛИ...

— Ты куда, Спиридон? — выйдя рано утром из дома, окликнул Игнат Иванович шедшего мимо соседа.

Спиридон, невысокий, крепкий старик, всей плотной фигурой повернулся к старику, снял с плеча косу.

— А, Игнат Иванович, здорово! Горох косить иду. Попросили нас, пенсионеров, помочь, кто, значит, может... Комбайн не берет: закрутило горох, перепутало, только вручную поддается. Сколько уж нам, старикам, гектаров дали, не помню. Приходил вчера Колька Черватых, бригадир...

Игнат Иванович все это знал. Видел, как бригадир, молодой парень в ковбойке и с сумкой-планшетом на боку ездил по деревне на мотоцикле, просил стариков помочь на косовице гороха. Лицо бригадира было озабоченным: горох погибал, а рабочих рук не хватало. Вся надежда на стариков-пенсионеров. Некоторые дачники, еще нестарые, согласились на покосе размяться.

Игнат Иваныч еще с вечера снял с чердака косу, отбил ее, наточил бруском, поставил в сенях.

Утром проснулся раньше обычного. Ждал... Наконец, когда показалось солнце, в деревню въехал на мотоцикле Колька Черватых.

Старик заволновался, зашагал по комнате, потрогал узелок с харчами, который приготовил заранее. В уме представлял, как будет разговаривать с бригадиром. Как в бывшие колхозные времена, когда рабочих рук не хватало:

— Здрасьте, Игнат Иваныч! — станет на пороге Колька. — Можно войти?

— Входи, отчего же... Гостем будешь, садись.

— Некогда, Игнат Иваныч, по делу пришел...

— То есть как по делу? Али у вас там случилось что? — будет притворно допытываться старик.

— Что случилось, ты знаешь: дождь испортил посевы. Поэтому, Игнат Иваныч, к тебе, как к древнему известному работнику, просьба от колхоза — помоги нам, пожалуйста, Игнат Иваныч, покосить горох.

Решил старик, что поупрямится для виду, скажет, что и своих дел

невпроворот. А потом воскликнет: «Отстань, репей! Приду. Аль ты меня не знаешь? Аль я когда отказывался? Вон коса в сених второй день стоит, небось, лбом об нее стукнулся...».

— О чем задумался, Игнат Иваныч?

— Да так, Спиридон: Колька-то за мной не зашел...

— Ну что ж. Может, забыл, али еще что. Тебе же лучше, отдыхай.

Горох-то теперь не колхозный, а так, чей-то... Вроде бы в Москве новый барин, хозяин наших земель, то есть бывшего колхоза, живет. Небось, на Канарах отдыхает. Что ему его... то есть наш горох?..

— А сам-то ты чего идешь косить за просто так?

— Да чего-то косою помахать захотелось...

— Оно, конечно, лучше, — вздохнул старик. — Но разве хуже, если бы я помог? Иль меня уж совсем ненужным считают?

— Ладно, Игнат Иваныч, я, наверно, пойду. Вон идут наши...

Вдалеке показались пожилые люди с косами. Игнат Иванович приложил руку козырьком к глазам и узнал местных пенсионеров: Федьку Ломакина, Андрюху Толстопятова, Егорку Власова...

— Вот какая гвардия! — воскликнул Спиридон. — С такими орлами дня за три управимся, скосим «барину» горох... Новый хозяин обещал пир на весь мир устроить, поляну накрыть!.. А ты, Игнат Иваныч, отдыхай, не горюй...

— А что мне горевать? — натужно улынулся старик. — Мне горевать не об чем...

И пошел к дому. В сених было темно, и здесь его охватила скребущая тоска. Игнат Иванович замер в темном углу, вцепившись в ручку косы, сдержал слезы.

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

На поле он успел вовремя. Пенсионеры еще не начинали, но косы держали наготове. Они примеривались, почесывали затылки, неспешно разговаривали.

— Ну что, мужики? — солидным баском сказал бригадир. — Пора бы и начинать! Думаю, что вы не отстанете от дачников. Они вон уже шуруют всюю!

Старики сделали вид, что слова бригадира их не касаются, молод еще, чтоб подзадоривать их.

Замедля шаг и опустив глаза в землю, медленно подходил Игнат Иванович. На сухощавом плече его лежала ручка косы, гладкая от многолетней работы. Старик с виноватым видом стал возле «орлов», прячась за них от молодого бригадира. Он боялся, что Колька заметит его и с позором прогонит обратно.

Тот, конечно, увидел Игната Ивановича, но промолчал, махнул рукой. «Я его силком в поле не тащил, все знают, что слаб старик, мало от него проку. Станет невмоготу — уйдет...»

Игнат Иванович заметил, что бригадир не имеет к нему претензий, обрадовался. Достав из кармана брусок, несколько раз провел им по лезвию косы. Коса взвизгнула, словно ребенок, который боится щекотки.

Спиридон, неофициальный бригадир среди пенсионеров, махнул рукой, давая команду. Пенсионеры расстановились, косы врезались в перепутанные стебли гороха. Игнат Иванович примерился, размахнулся, но коса дрогнула, ковырнула землю.

— Зараза! — выругался он, выдергивая косу из цепких стеблей. — Так хорошо косила прошлый год...

Следующие его движения были удачными, и с каждым шагом Игнат Иванович продвигался вперед. Он принаоровился и косил, как в молодости, — размашисто, резко. От этого внутри заиграла радостная горячая жилка: так всегда бывало, когда работа ладилась. Но скоро он устал, решил перевести дух. «Больно тяжелой стала коса, — оправдывался сам перед собой старик. — Наверное, под крышу протек дождь и ручка набухла влагой...»

Попробовал, как в молодости, приподнять косу от земли одной рукой, но кисть задрожала, коса не пошевелилась. «Ах, дьявол, и впрямь ты, Игнат Иваныч, ослабел!»

Руки гудели. Старик опустил их свободно. Кровь прилила к ладоням, наполнила их приятной тяжестью. Пальцы разжались, натертые ладони ощущали прохладу воздуха. «Жарко все-таки. И почему так устроена природа, что дождь и солнце не распределяются поровну?»

Он вновь принялся косить, но, сделав несколько взмахов, почувствовал нехватку воздуха. «Надо посидеть, — решил он. — Так будет лучше».

Присел на колени, потрогал землю. Она была влажная: ее долго перед этим поливали дожди. Теперь она хранила в себе влагу, несмотря на жаркое солнце.

— Молодец, — похвалил старик землю, — все тебе нипочем.

Поднимался тяжело. «Не зря говорят, что земля притягивает, — вспомнил он. — Если лечь спать на траву и ничего не подстелить, то можно разоспаться так, что остановится сердце».

Он попытался взмахнуть косой, но она тяжело упала вниз.

— Я не могу работать! — хрипло и удивленно вскрикнул Игнат Иванович.

Солнце жгло беспощадно. Ветер остановился совсем. Задравши вверх подбородок и ощерившись беззубым ртом, старик принялся ругать солнце. Солнце дало сильную промашку: оно не грело вовремя, оно позволило дождю погубить посевы и теперь мучает его, старого больного человека.

Волоча за собой косу, он поплелся на край поля. Там лежала охалка соломой, он опустился на жесткие стебли, прилег к ним лицом. Вдоль лесополосы шел поток прохладного воздуха. Игната Ивановича потянуло в дремоту.

«Посплю минут десять, и буду докашивать свою делянку».

Игнат Иванович заснул, и никто не тревожил его до обеда.

КЛАДБИЩЕНСКИЕ ДЖУНГЛИ

Разросшиеся деревья на кладбище пришлось корчевать, иначе не пролезть с гробом в эти джунгли. А все для того, чтобы положить старика рядом с его родней, могилы которой располагались в густом массиве. Тропинку туда надо было прорубить и пропильвать — почти целый день ушел на это; хорошо, что у дачников нашлись две бензопилы.

Добравшись до центра кладбища, корчевали корни деревьев, чтобы вырыть могилу для дяди Игната рядом с его братом — Кузьмой Иванычем.

А места на кладбище еще много осталось — это утешало стариков, и они с воодушевлением и даже с гордостью говорили об этом во время поминоков, выпивая самогон из старинных граненых стаканчиков.